

Уссинг Иоганн Людвиг

**Воспитание и обучение у греков и
римлян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иоганн Людвиг У.**
Воспитание и обучение у греков и римлян / Уссинг Иоганн Людвиг – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 187 с.

ISBN 978-5-519-78422-1

ISBN 978-5-519-78422-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тельства современниковъ совершенно и вполнѣ переносятъ насъ въ римскую жизнь и дѣла конца республики и начала имперіи. Сказанія лѣтописцевъ болѣе древняго времени суть изображенія произвольныя; съ другой стороны, приближаясь къ концу II-го вѣка, мы опять находимъ, что источники становятся скуднѣе. Изображеніе римскихъ нравовъ должно по этому необходимымъ образомъ сосредоточиться на томъ времени, въ которомъ наиболѣе освѣщеннымъ для насъ пунктомъ является время Августа. Къ этому-то времени относится „Gallus“ Беккера, подобно тому какъ „Charikles“ и „Anacharsis“ изображаютъ IV-ое столѣтіе до Р. Хр. въ Греціи. Если сравнить Римъ и Аѳины на основаніи этихъ представленій, то оказывается большая разница; впрочемъ, разница эта, на сколько она касается нравовъ и внѣшнихъ проявленій жизни, есть скорѣе дѣло времени, нежели народнаго характера. Въ IV-мъ в. до Р. Хр. римская республика была еще бѣднѣе Аѳинъ, между тѣмъ какъ во времена Августа не только между Римлянами, но и между Греками — насколько этимъ послѣднимъ позволяли ихъ средства, — господствовала величайшая роскошь. Греки и Римляне дѣти одной матери; но тотъ народъ, который былъ лучше одаренъ природою и влѣдствіе болѣе частыхъ сношеній съ народами Востока находился въ положеніи болѣе выгодномъ, развился ранѣе и былъ уже въ полномъ цвѣтѣ въ то время, когда родственнѣйшему ему народу только что начиналъ пускаться ростки. Римляне не расходились далеко по свѣту; они довольство-

вались тѣмъ, что оберегали отчизну и мало по малу на счетъ сосѣдей расширяли свое государство; но они не презирали тѣхъ крохъ блестящей греческой культуры, которыя по временамъ къ нимъ попадали, и когда они достигли наконецъ могущества, когда они стали господствующимъ народомъ, который могъ покорить и Картегенъ и Грецію, — то хотя они и презирали слабыхъ, преклонявшихся передъ ними до земли Грековъ, но не презирали ихъ культуры и роскоши. Это та истина, которую такъ мѣтко выразилъ еще Гораций въ извѣстныхъ словахъ своихъ: *Graecia capta ferum victorem cepit*. Мечъ Римлянъ завоевалъ Грецію, но духъ Грековъ завоевалъ Римъ и приобрѣлъ теперь въ Италиіи столь же прочное жилище, какое онъ основалъ себѣ въ Азіи послѣ завоеваній Александра Великаго. Въ общественной жизни, на форумѣ, Римляне сохраняли свою національную одежду и свой языкъ; но въ частной жизни они нерѣдко надѣвали болѣе удобную одежду греческую; ставилось въ честь говорить одинаково хорошо на обоихъ языкахъ и жители Рима окружили себя всѣмъ, что могли дать имъ греческое искусство и роскошь. Римскіе писатели шли въ школу къ александрійцамъ и, если бы не языкъ, многіе изъ нихъ ничѣмъ бы отъ тѣхъ не отличались. Римскіе художники — число ихъ не велико — составляютъ только звено въ ряду греческихъ художниковъ, хотя имена ихъ и звучатъ нѣсколько иначе. Страсть къ роскоши, развившаяся въ императорскомъ городѣ, могла поставить художникамъ новыя

задачи; но задачи эти лишь возобновляли въ большихъ размѣрахъ или съ нѣкоторыми измѣненіями виды уже извѣстныхъ и прочно установленныхъ формъ, въ родѣ напр. амфитеатра, — возникновенія же чего либо качественно-новаго мы не встрѣчаемъ; базилика, которую желали выставить собственностью Рима, перенесена, какъ и самое имя ея показываетъ, изъ царственныхъ городовъ Греціи. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что культура и искусство Рима во II-мъ и I-мъ вѣкахъ до Р. Хр. не находятся въ непосредственной связи съ культурой и искусствомъ Аѳинъ IV-го столѣтія. Между ними существуетъ промежутокъ очень важный, который, къ сожалѣнію, чрезвычайно мало намъ извѣстенъ, — а именно: цвѣтущее время греческаго государства въ такъ называемый македонскій періодъ. Въ это время Римъ усвоивалъ себѣ греческую культуру, и само собою разумѣется, что искусства, науки, зрѣлища, нравы и обычаи, которые тогда перенимались Римлянами отъ Грековъ, были тѣ самые, которые они лично видѣли, въ дѣйствительности, а не тѣ, которые существовали нѣсколько столѣтій ранѣе. Приближаясь къ Риму, историкъ видитъ, что туманъ, окружавшій его на пути по македонскому періоду, внезапно поднимается. Говоря объ искусствѣ и культурѣ временъ Августа и ближайшихъ къ нему столѣтій, ихъ называютъ обыкновенно римскими. Названіе это будетъ справедливо, если при этомъ мы обращаемъ вниманіе лишь на столицу великаго государства, которая и во многихъ другихъ отно-

шеніяхъ была центромъ его духовной дѣятельности; но если мы обратимъ вниманіе на происхожденіе этой культуры, на ея характеръ, то справедливѣе было бы называть ее греческою, какъ она обыкновенно и называется съ того времени, когда Римъ снова пересталъ быть столицею цивилизованнаго міра.

Наше теперешнее міросозерцаніе, со временъ христіанства, имѣетъ, конечно, другое основаніе, чѣмъ міросозерцаніе древнихъ; но культура новаго времени покоится на культурѣ древности. Мы хвалимся, что имѣемъ пособія, которыхъ не знали древніе, и что мы получили большее господство надъ силами природы, чѣмъ люди имѣли въ то время; но въ мысли и рѣчи, въ искусствѣ и литературѣ мы ученики древнихъ; даже нѣкоторые приемы обыденной жизни въ прямой линіи унаслѣдованы нами отъ Грековъ и Римлянъ. Вслѣдствіе сего познаніе этихъ предковъ нашихъ по духу— есть одно изъ важнѣйшихъ требованій общаго образованія. И если мы, съ восторженною любовью останавливая вниманіе свое на лучшихъ дняхъ Эллады, взглянемъ на то величіе, до котораго могъ возвыситься человекъ своими собственными силами, то въ насъ является желаніе прослѣдить за всѣмъ теченіемъ потока и посмотреть, какъ мѣняется онъ, принявъ въ себя многіе другіе ручьи и получивъ свободу разлиться по всей ровной поверхности земли. Возможно, что картина эта будетъ не такъ увлекательна, какъ первая; но знаніе и этого момента, для желающаго знать, не менѣе необхо-

димо. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, понять связь между древнимъ временемъ и настоящимъ, если будетъ сломанъ тотъ мостъ, который ихъ соединяетъ? Кто можетъ судить о древней культурѣ, если не дать себѣ отчета въ томъ, какое короткое время цвѣла она и какіе принесла плоды? По сему было бы полезно рассмотреть Грецію и Римъ въ общей связи и прослѣдить нравы и обычаи классической древности съ того перваго мгновенія, когда они становятся извѣстны намъ въ древней Греціи, до того времени, когда, послѣ паденія язычества, они перешли въ средніе вѣка. Особенно слѣдуетъ останавливаться на Аѳинахъ V-го и IV-го столѣтій до нашей эры и на Римѣ I-го вѣка до и двухъ первыхъ вѣковъ послѣ Р. Хр., такъ какъ источники, относящіеся къ этому времени, довольно удовлетворительны; свидетельства же, дошедшія до насъ относительно другихъ временъ и мѣстностей древняго міра,—могутъ служить чертами, дополняющими картину.

КНИГА ПЕРВАЯ.

О времени дѣтства и о воспитаніи дѣтей у
Грековъ и Римлянъ.

1.

Предъявленіе дѣтей отцу и подкидываніе ихъ.

Грековъ называли народомъ, носившимъ въ груди своей радостное чувство жизни; дѣйствительно трудно найти другой народъ, который лучше Грековъ умѣлъ бы наслаждаться жизнью, пользоваться ею и цѣнить ее. Обратимъ ли мы наши взоры на роскошь, на матеріальное благосостояніе, или же на возвышенныя духовныя наслажденія, на поэтическое, искреннее выраженіе страстной любви, на вѣчно игривую жизнь ихъ путки, или же на блестящее величіе искусства и на то пламенное вдохновеніе, которое мы въ немъ видимъ на каждомъ шагѣ,—всюду мы должны признать Грековъ великими артистами и нашими учителями въ частной и общественной жизни. Этотъ взглядъ нашъ нельзя будетъ назвать ошибочнымъ вслѣдствіе того, что иной разъ придется и у нихъ услышать, какъ несчастный и утомленный страданіями человѣкъ съ отвращеніемъ говорить о жизни и желаетъ смерти ¹⁾. Если бы смерть дѣйствительно при-

¹⁾ Stobaeos (Florileg. 98) даетъ цѣлый отдѣлъ цитатъ о бѣдствіяхъ жизни. Цицеронъ (Tuscul. I, 48. 114) приводитъ старое

шла къ нему, онъ подобно дровосѣку эзоповой басни сказалъ бы навѣрно: я звалъ тебя только за тѣмъ, чтобы ты помогла мнѣ поднять ношу.

Въ одной изъ трагедій Эврипида говорилось:

Взвѣсивъ всѣ бѣдствія людскаго жребія,
приличнѣе было бы въ глубокой печали
хоромъ оплакивать домъ, гдѣ дитя увидѣло свѣтъ;
если же для кого либо оканчивается смертью тягость этихъ
страданій,

то у гроба его пусть ливуетъ и радуется каждый другъ ¹⁾).

Это слова грустные, но они понятны, какъ выраженіе отчаянія, появляющагося при размышленіи о всеобщей участи людей. Впрочемъ, такой извращенный взглядъ мы собственно находимъ не у Грековъ, а у варварскаго народа *Θρακίи* ²⁾. Въ *Элладѣ* было на-оборотъ. Гдѣ не имѣли мѣста какія либо особенно несчастныя обстоятельства, тамъ рожденіе ребенка ожидалось съ страстнымъ нетерпѣніемъ и привѣтствовалось радостью не только матери, но и всей семьи. Такъ было во всякомъ случаѣ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока жизнь развивалась естественно и невинно, пока отъ нея не требовали больше того, чѣмъ она могла дать; но какъ

изреченіе: *non nasci homini longe optimum esse, proximum autem quam primum mori*; эта мысль выражена также въ прекрасныхъ стихахъ — *Θεογονίи* (425) и у *Софокла* (*Oedip. Colon.* 1225). Все это показываетъ только, что Греки были люди и могли подчасъ чувствовать тягости жизни; но это далеко не главная черта греческаго міровоззрѣнія, какъ думаетъ *Нэгельсбахъ* (*Nachhomerische Theologie*, стр. 227 и слѣд.).

¹⁾ Ciceron. *Tuscul.* I, 48. 115. — Strabo XI, 11. 8.

²⁾ Herodot. 5, 4.